

Interclass Relations and the Class Struggle in a Russian Village in 1930–1980s¹ Mikhail Beznin² Tatiana Dimoni¹² Vologda State University, Russian Federation

Doctor (History), Professor

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

² Vologda State University, Russian Federation

Doctor (History), Professor

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the relationship between the new agricultural classes emerged during the state capitalist transformation of the countryside 1930–1980s.: protobourgeoisie, managers, intellectuals, labor aristocracy, agricultural proletariat. The authors denote a radical change in the type of social relations during that period. Reference is also made to the origins of formation of cross-class relations: the number and the origin of each class, their economic stability, political role, mentality, their ability for oclass and cross-class solidarity. Separately, the author examines the place and importance of social protest and class struggle as a critical point of interclass relations. The essence of evolution of the social protest movement lied in the transitions from forms attributed to peasant society to manifestations of class struggle, typical for labor community.

Keywords: Russian village; social classes; interclass relations; social protest; class struggle.

Введение. Объективным проявлением государственно-капиталистического переустройства российской деревни 1930–1980-х гг. являлось исчезновение «старых» классов (прежде всего, крестьянства) и формирование новых классов, занимающих разные позиции в сельскохозяйственном социуме России (протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, сельскохозяйственного пролетариата) [1]. Еще советская социология уловила этот процесс: хотя господствующей оставалась доктрина о сближении классов в СССР и становлении социально однородного общества, с 1960-х гг. социологи пришли к выводу о многослойности советского общества, в том числе сельскохозяйственного населения [2; 3; 4; 5; 6]. В западной науке понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества сложилось еще раньше, чем в нашем обществоведении, – в 1930–1940-е гг. [7; 8]

Материалы и методы. Несмотря на то, что сегодня наиболее часто при анализе социальной структуры фигурирует «страта», по нашему мнению более приемлема для анализа дифференциации социума категория «класс», точнее, «социальный класс». О том, что она применима для описания крупных общественных групп писали не только последователи марксизма. Так Ж. Гурвич рассматривал классы как объективно существующие многофункциональные группы, сохраняющие дистанцию между своими членами. По его мнению, данные группы (классы) имеют сильную тенденцию к внутреннему расслоению, а также отчетливо противостоят другим группам [9]. Кроме того, уже к 1960-м гг. сформировались технико-организационная теория, согласно которой причина и источник классового расслоения – в разделении и организации труда; распределительная теория, в соответствии с которой источник классового расслоения находится в сфере распределения и потребления (Э. Бернштейн, М. Хальбвакс) [10]. В современной социологии под социальными классами понимаются большие группы людей, которые обладают сходными социально-экономическими статусами. Ряд авторов (в основном марксистской ориентации) подчеркивают, что основным фактором разделения на классы является отношение к средствам производства. Другие авторы, следуя традиции М. Вебера, делают упор на такие факторы, как политическая власть, стиль жизни, престиж, идентификации и т.д. [11] Категория «социальный класс» удачно аккумулирует оба эти подхода и является достаточно устоявшейся в мировых науках о социуме.

Новорожденные классы деревни формировались в непрерывном взаимодействии друг с другом, включая и сотрудничество, и противостояние. Складывавшиеся между ними социальные отношения коренным образом отличались от «общинного» типа социальных отношений, господствовавшего в деревне до конца 1920-х гг. Слабая социальная дифференциация деревни того времени делала главными знаменателями связей соседство и родство, торжествовавшие, несмотря на присутствие в сельской жизни «кулака-миroeда» и «крепкого мужичка». По данным Б.Н. Миронова дифференциация российской деревни была настолько мала, что к 1917 г. коэффициент Джинни составлял здесь 0,133–0,296 [12], по данным В.П. Данилова доля «кулаков» в деревне России 1927 г. не превышала 3% [13].

Обсуждение. Изучение новых социальных отношений, возникавших в процессе социальной переструктуризации деревни 1930–1980-х гг., необходимо рассматривать как целостную систему,

внутри которой, как правило, выделяют: отношения между классами по поводу собственности на средства производства (экономические отношения); отношения по поводу государственной власти (политические отношения); отношения между классами по поводу правопорядка (правовые отношения); отношения в связи с реализацией нравственных норм (нравственные отношения); отношения между классами по поводу создания и потребления духовных ценностей [14].

Глубина социально-классового раскола деревни была уже в первой половине колхозно-совхозного времени достаточно велика, ее замечали современники. Так, В.М. Князева (1914 г.р.), колхозница Кемеровской области, в конце 1990-х гг. говорила о начальных десятилетиях колхозной жизни: «В колхозе жили не все одинаково. Хорошо жили председатель и бригадиры. Они, конечно, богато жили. Были грамотными, поэтому больше всех и получали. А мы должны были своим трудовым потом зарабатывать на жизнь» [15]. Отчетливо фиксировалось расслоение деревни во многих произведениях публицистики и художественной литературы. Например, Ф.А. Абрамов в повести «Вокруг да около» (1963 г.) среди многих других ярких описаний неравенства отмечает: «Дом служащего, или, как говорят в деревне, человека на деньгах, отличишь сразу. Он и понаряднее, этот дом: наличники у окошек и двери непременно покрашены, вместо жердяной изгороди оградка из рейки или плетень из сосновых или еловых колышков. И, конечно, радиоантенна над крышей». Расслоение в деревне было зафиксировано и советской социологией села. По расчетам, сделанным Н.Е. Рабкиной, Н.М. Римашевской, децильный коэффициент дифференциации доходов колхозников СССР (по совокупному доходу) составлял в 1960-е гг. около 4 раз, что показывает достаточно высокую степень расслоения [16].

На формирование отношений между классами влияли разные факторы. Среди них – численность каждого класса, его «родовые» признаки («материнская» социальная среда, родство с «власть имущими», или «прежними» деревенскими классами), особенности трудовых операций, в том числе их новизна для деревни, близость к колхозной или государственной собственности и т.д.

Самым большим по численности в течение 1930–1980-х гг. был класс сельскохозяйственного пролетариата (рядовых колхозников и совхозных рабочих). Второе место в 1930–1940-е гг. занимали сельскохозяйственные менеджеры (бригадиры, управляющие отделениями, счетоводы и др.), в 1960–1980-е гг. это место перешло к рабочей аристократии (трактористам, комбайнерам, шоферам), в то время как менеджеры постепенно переместились на четвертую ступень в численном «соревновании» классов. Сельскохозяйственные интеллектуалы (агрономы, зоотехники, ветеринары и др.), бывшие в 1930–1940-е гг. самым малочисленным классом, к концу 1980-х гг. прочно перемещаются на третье место среди всех классов деревни. Самым малочисленным деревенским классом почти весь период времени (за исключением 1930–1940-х гг., когда все же он превосходил по численности сельскохозяйственных интеллектуалов) был класс сельскохозяйственной протобуржуазии (председателей колхозов, директоров совхозов и МТС) [17]. Находящиеся в не самом привилегированном положении малочисленные классы, к тому же не вписывавшиеся в «старую» традицию взаимоотношений социальных групп (интеллектуалы, рабочая аристократия) должны были выдержать более жесткую борьбу за место в социальной пирамиде. Малочисленная, находившаяся в привилегированном положении протобуржуазия использовала численное меньшинство для консолидации с более высокими «властными» кластерами и как фактор правового, экономического и политического доминирования на селе. Сельскохозяйственный пролетариат, оставаясь самым многочисленным классом, придавал межклассовым отношениям в российской деревне патриархально-деревенскую окраску.

Большую роль в выстраивании отношений «низших», «средних» и «высших» классов села играл сложившийся эталон взаимоотношений с «начальством», идущий от общинной жизни. Проявлялось это в традиции определенного «чинопочитания». Диссидент А. Амальрик, описывая жизнь в сибирской деревне середины 1960-х гг., отмечал: «В Гурьевке вообще ни к кому не обращались: Степанида Алексеевна, или Мария Степановна, или Дмитрий Иванович, а говорили просто: Стешка, Манька, Митька. Или же давали прозвища... Только к бригадиру большинство обращалось по имени-отчеству, а те, кто помоложе, говорили: дядька Шаповалов» [18].

Деревенским сообществом подмечалось, что деревенская «верхушка» тесно общалась с высшими этажами власти (областными, районными) и транслировала властные решения в «низы», что расценивалось как ее «промежуточное» положение. Колхозник Н.И. Носков (1919 г.р.) из-под Вятки говорил о председателе колхоза «Да и то сказать, что с него взять? Ведь он тоже человек подневольный. С него райком партии требовал отчета за всё» [19 Лопатин и др., 2009: 177]. В то же время, от «верхушки» ждали отчета, следили за ее деятельностью. Колхозница В.М. Князева вспоминала: «Бывало, соберут колхозное собрание ... Выступит председатель, отчитается перед нами. Потом из ревизионной комиссии расскажут, сколько получили прибыли, куда её потратили. Отчитывались перед народом. А как же!» [20].

Роль в межклассовых отношениях сельскохозяйственного пролетариата (рядовых колхозников, совхозников) обозначалась как подчиненная, тесно связанная с крестьянскими традициями «покорности». Бывшая колхозница М. Лаврентьева рассказывала: «А наряда очень слушались, никто не отпирался. Куды пошлют, туды и пойдем. Раз надо работать, дак... Не спорили» [21].

Большое значение во взаимоотношениях классов играл факт «городского» или «деревенского» происхождения. Как известно, деревенское сообщество с осторожностью относилось к чужим, особенно до эпохи активных миграций (в том числе связанных с периодом Великой Отечественной войны) и аграрных реформ, «укрупнивших» прежние сельские социумы через совхозизацию и «оптимизацию» мелких колхозов (1950-е и более поздние годы). «Пришлые» требовали поиска иного дискурса социальных связей, что было трудным делом для земледельцев, привыкших к «простоте» языка и быта села. Колхозник из Кузбасса И.А. Шишков, в конце XX в. рассказывая о первых годах существования колхозов, подчеркивал «иную ментальность» чужаков во власти: «Председателями колхозов становились присланные начальством люди. Наши мужики чувствовали землю. Но их до руководства колхозами не допускали. Они оказались не у дел» [22].

«Пришлость» чем дальше, тем больше деревенскими жителями воспринималась положительно. Недеревенское происхождение и опыт, цивилизные манеры и внешний вид были значимыми основаниями социального превосходства одних слоев перед другими. Этот маркер можно наблюдать в частушках:

Деревенские не в моде –
Нынче в моде писаря.
Комсомольцы да приезжие,
Еще учителя [23].

В колхозной деревне помнили происхождение человека как минимум до третьего колена. Поэтому если должность, особенно «властная», была наследственной – отец был председателем колхоза или бригадиром – положение представителя класса рассматривалось как более стабильное. В совхозах, особенно тех, что не были созданы на базе прежних колхозов, наследственность при вхождении в класс имела меньшее значение.

Большим уважением пользовались представители колхозного или совхозного социума, шагнувшие в другой, более «высокий» социальный слой. Об этом тоже сохранилось множество частушек:

Пусть Ванюша не красив,
Но зато с характером.
Раньше был он пастухом,
Нынче пашет трактором [24].

Объемно-правовое положение очень специфично сказывалось на формировании классовой иерархии деревни. Статусы колхозника, рабочего или служащего различались весьма сильно, что проявлялось и в наличии/отсутствии паспорта, а, значит, в свободе передвижения, возможностях трудоустройства, в охвате системой крестьянских повинностей (в 1930–1950-е гг.) и в способах получения заработков (гарантированной, денежной заработной платы или «оплаты трудоднями») и др. Немаловажным фактором неравноправия были и «лично-поземельные узы», которые содействовали передаче наследственной неполноправности, пока двор сохранял приусадебный земельный участок, и, следовательно, прикреплял колхозника к сельхозартели.

Юридическая дискриминация или юридические преференции сельских классов на разных этапах 1930–1980-х гг. проявлялась более всего во взаимоотношениях с государством, и гораздо меньше непосредственно во внутридеревенских взаимоотношениях. Например, представители разных сельскохозяйственных классов нередко заключали брачные союзы, это даже приветствовалось с точки зрения практического выживания. В уже цитируемой повести Ф.А. Абрамова «Вокруг да около» об этом говорится: «В деревне сейчас принято: если ты в колхозе работаешь, то жену подыскивай из служащих, так, чтобы в доме всегда была копейка. После войны, когда произошла денежная реформа, это получило даже свое название: «жениться на буханке» ... Складывается особый тип семьи, где экономический фактор играет далеко не последнюю роль». Таким образом, изменение межклассовых отношений во многом определяло и формирование имущественных прослоек.

Фактор правовых различий постепенно уступал ведущее место различиям в экономическом и производственном положении. Производственно-экономическая «притягательность» каждого из деревенских классов легко просматривается в частушках:

На моем на белом платье
На оборке кружева.
Что же мне не наряжаться –
Бригадирова жена!

Эй, подружка, морганем,
К нам подходит агроном,
Мы с тобой не растеряемся,
Знакомство заведем! [25]

Бригадиры, трактористы, агрономы, инженеры – наиболее популярные представители классовых групп, отличавшихся, по деревенским меркам, стабильным материальным положением. Родство с такими людьми, с точки зрения представителей сельскохозяйственного пролетариата, было значительным продвижением к более высокому социальному положению. С другой стороны, представители деревенской «верхушки» рассматривали их как более низкие по статусу классы. Показателен в этом отношении фильм С. Ростоцкого «Дело было в Пенькове» (1957 г.), где председатель колхоза был не в восторге от того, что его дочь вышла замуж за тракториста МТС.

О профессиональной принадлежности как основе социальной градации много писали уже советские социологи [26]. Нельзя думать, что такое представление возникло в науке на пустом месте. Основой его являлось, в том числе, содержание трудовых операций у разных деревенских классов. При сохранении селянами представлений о физическом труде, как о мере человеческой ценности, колхозники и совхозники все чаще приходили к мысли, что представители «высших» классов физической работы достаточно чужды. По этому принципу часто и со значительной долей осуждения идентифицировалась деревенская верхушка. Так, в отношении 1930-х гг. писатель Т. Чугунов замечал: «многие колхозники физическим трудом не занимаются, начиная от председателя и кончая звеньевым. В колхозе около полусотни лиц принадлежат к администрации: председатель, его заместители, члены и служащие правления, заведующие фермами, руководители предприятий, бригадиры, звеньевые и т. п.» [27].

Большой новизной отличались и трудовые операции, выполняемые сельскохозяйственными интеллигентами: их функции были связаны с внедрением знаний в производственный процесс. Не случайно в деревенских частушках чувствовался определенный восторг по поводу деятельности агрономов, ветеринаров и им подобных:

Агроном рубашка белая,
Расшита васильком,
Мы науку агронома
Все колхозом признаем [28].

«Низший» же класс деревни – сельскохозяйственный пролетариат воспринимался остальными жителями, и сам позиционировал свое место в социальной пирамиде как самое бесправное, подчиненное, страдательное по своей сути, с тяжелейшими трудовыми операциями. Вот как об этом пелось в южнорусских деревенских частушках начала 1930-х гг.:

Кто виноват, что в
Колхоз мы записались,
Кто виноват, что нам
Хлеба не дают,
Кто виноват, что мы
День и ночь работаем,
А пред. колхоза наш труд
Не признает [29].

Имущественные и производственные характеристики классов были гораздо более изменчивы, чем правовые категории. Юридические различия сельскохозяйственных классов придавали консолидированность каждому из них и создавали границы между социальными кластерами деревни. При этом социальное размежевание между классами становилось более четким, а раскол между ними приводил к обострению классовых антагонизмов. Это размежевание явно видно на материалах народного фольклора 1930–1950-х гг., где описываемое действие группирует, как правило, представителей одной классовой группы. Так, «высшие» классы деревни – протобуржуазия и менеджеры – «действовали» совместно в разных бытовых ситуациях:

Заместитель с бригадиром
Все дела направили:
На Ильинску пятницу
Похмелье вместе справили [30].

«Средние» классы деревни – интеллигалы и рабочая аристократия – также объединены в частушечных сюжетах, консолидированы внутри «своего» классового «клана»:

Я в работе боевая,
И в учебе всем пример.
Скоро буду агрономом,
Мой миленок – инженер [31].
Меня детка любит крепко
За походку быстрюю.
Эх, он будет комбайнером,
А я – трактористкою [32].

В то же время нередкими были и сюжеты, где представители рабочей аристократии объединены в действиях с представителями класса сельскохозяйственного пролетариата. Это свидетельствует о том, что физические трудовые усилия (даже при помощи механизмов) служили важным обстоятельством в представлении о близости этих классов:

Мой миленок тракторист,
Я – ударница полей.
Милый борется за трактор,
Я – за триста трудодней [33].

Межклассовые отношения лежали в основе всех сторон социальной жизни деревни 1930–1980-х гг. Казалось бы, старое общество оставило русской деревне в наследство много привычного – наличие тех, кто управлял фискальной жизнью или трудом, тех, кто нес в нее просвещение и знание, тех, кто в основном работал на земле. Однако, роли новых классов, а, следовательно, и их взаимодействие, были наполнены новым смыслом – смыслом ухода от традиционного крестьянского общества.

***

Неотъемлемой частью межклассового взаимодействия была классовая борьба. Это сложное социальное, общественное, экономическое и пр. явление, направленное как «вовне» так и «вовнутрь» каждого классового образования, иногда проявлявшееся и в консолидации определенных классовых групп. Естественно, вновь рожденные классы должны были завоевать место в обществе и «выяснить» отношения между собой в формировавшейся классовой пирамиде деревни. Интуитивно «механизмы» классовой борьбы в моменты интенсивной классовой переструктуризации уловил в 1929 г. И.В. Сталин, выдвинув тезис об «обострении классовой борьбы» [34].

Для понимания эволюции классовой борьбы и социального протеста в деревне 1930–1980-х гг. большое значение имела концепция «моральной экономики», согласно которой определяющим моментом в жизни крестьянского социума была преимущественно пассивная защита своего существования в угрожающей социальной и природной среде [35]. Однако данная теория не безоговорочно применима к колхозно-совхозной деревне. В период завершения жизни аграрного общества в России (1930–1950-е гг.) – с его повинностной системой, правовой дискриминацией, довольно высокой натуральностью жизни двора – «крестьянская» основа социального протеста сохранялась. В дальнейшем же, в 1960–1980-е гг., перевод колхозников на заработную плату, распространение на них пенсионной системы и механизмов социальной защиты, преодоление прикрепления к земле и денатурализация хозяйства подорвали социальные устои крестьянского типа сопротивления, приближая сельскохозяйственных работников к традициям рабочего протеста.

Особенности протеста сельского социума 1930–1980-х гг. состояли и в том, что каждому из сельскохозяйственных социальных классов были присущи свои способы отстаивания классовых интересов. Однако присутствие в деревне подавляющей массы людей с крестьянским опытом бытия (сельскохозяйственного пролетариата) позволяет говорить о преобладании форм и мотивов классовой борьбы, присущих именно этому социальному классу.

Среди основных форм классовой борьбы сельскохозяйственного сообщества 1930–1980-х гг. выделяются такие формы протестных действий как уклонение от эксплуатации государства (прежде всего, от несения повинностей), борьба за землю (за расширение приусадебного землепользования), незаконные способы реализации права собственности так называемые «разбазаривания», и др. формы присвоения), приверженность к традиционным культурным ценностям; письменные жалобы, акты политического насилия в отношении представителей деревенского актива и др. Недовлетворенность классовых усилий сельских жителей порождали в конечном итоге такую форму протеста как исход из деревни.

Одной из важнейших форм социального протеста было *уклонение от повинностей* [36]. Данный механизм внеэкономической эксплуатации в 1930–1950-е гг. применялся практически ко всему сельскохозяйственному сообществу. Российские колхозники стремились уклониться от колхозных «отработок»: в определенные годы количество невыработавших установленных норм трудодней достигало четвертой-пятой части всех трудоспособных (например, в 1938 г. не выработали ни одного трудодня от 3 до 24 % (в зависимости от региона РСФСР) взрослых трудоспособных колхозников и подростков [37]). Сопротивление колхозников вызывали и другие разновидности отработок – гужевая и трудовая повинности на лесозаготовках, а также обязательное бесплатное участие в дорожном строительстве. Высокий уровень изъятия продукции приусадебных хозяйств и норм денежного обложения дворов приводил к массовому уклонению индивидуальных хозяйств от обязательных поставок сельхозпродукции и уплаты сельхозналога. Например, в начале 1948 г. средняя недоимка молока на 1 хозяйство России, обложенное обязательными поставками, составляла 70 л, мяса – 28 кг, яиц – 81 шт., шерсти – 1 кг, кож – 1 шт. [38]. Чтобы не платить денежный сельхозналог сельские жители сокращали поголовье скота, площади посевов, вырубали фруктовые деревья, прибегали к сокрытию доходов. Уклонение от несения повинностей жестко каралось, вплоть до судебной ответственности и лишения свободы, что подчеркивает остроту социального протеста.

Важнейшим индикатором социальной самоидентификации почти всех деревенских классов (кроме, пожалуй, сельскохозяйственных интеллектуалов) была близость к земле. Поэтому «борьба за землю» (за сохранение и расширение приусадебного землепользования, за сенокосы) была одной из наиболее масштабных форм социального протеста. В колхозно-совхозный период понимание «своей земли» постепенно сосредоточилось на приусадебном клочке (обычно 0,25 га). Сохранение и расширение приусадебного землепользования в 1930–1960-е гг. было борьбой и за социальное, и за физическое выживание, о чем говорят размеры «незаконно» занимаемой земли, – чаще 2–5 соток. Проведенные в 1939 г. обмеры приусадебных земель колхозников СССР показали, что «излишки» земли имели 7,8 млн колхозных дворов (41% от всего их наличия), 820 тыс. хозяйств единоличников (88 % от общего числа), 1465 тыс. дворов других нечленов колхозов [39]. Вместе с процессами раскрестьянивания интерес к земле постепенно пропадал. Так, в 1977 г. в РСФСР было проведено 22 тыс. проверок соблюдения земельного законодательства, выявлено около 15 тыс. нарушений приусадебного землепользования (было «самовольно» занято около 3 тыс. га земли) [40]. В 1987 г. при проведении 22 тыс. проверок были выявлены нарушения приусадебного землепользования у 5 тыс. российских граждан на площади 1,5 тыс. га [41].

Итак, в классовой борьбе одним из важнейших составляющих было отстаивание привилегированного места в отношении собственности. Протобуржуазия, менеджеры, отчасти «средние» сельскохозяйственные классы с начала 1930-х гг. активно предъявляли свои права на собственность, обусловленные особенностями этого института при государственном капитализме. Речь идет о разделенном праве собственности, характерном для госкапиталистических обществ, где права владения, распоряжения и пользования отчасти переданы государством иерархической пирамиде «со-собственников». «Внезаконное» присвоение части колхозного имущества рассматривалось «высшими» и «средними» классами деревни как своеобразная плата за должность. «Низший» класс деревни – сельскохозяйственный пролетариат – явочным порядком осуществлял права «бывших» собственников, сохраняя «память» о том, что крестьянское имущество стало основой колхозных и отчасти совхозных капиталов [42]. Кроме того, селяне, вкладывая значительную долю своих трудовых усилий в общественное хозяйство колхоза (например, в 1950-е гг. по Российской Нечерноземью не менее 70% общих трудовых затрат двора [43]), считали себя не только сопричастными к созданию колхозной продукции, но и имевшими на ее часть законное право.

Эти формы классовых претензий к государству от «высших» и «средних» классов села, и к колхозно-совхозной верхушке – от низших классов нередко трактовались в официальных документах как кражи, «самоснабжение», «кумовство» и т.д. Примерами таких оценок полны документы государственных органов 1930–1950-х гг.: «Дело с хищением колхозной собственности зашло так далеко, что в колхозах расхищаются целые скирды хлеба, стоги сена, лошади, овцы», – сообщал в 1943 г. Наркомат земледелия в ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву [44]. Материалы судопроизводства середины 1980-х гг. подтверждают уже вполне сложившуюся практику «внезаконной» реализации права собственности. В постановлении пленума Верховного суда СССР от 15 ноября 1984 г. дан полномасштабный обзор этого. Речь шла о «фактах отсутствия порядка в сохранности зерна, кормов, скота, бесхозяйственности ... допускаемых руководителями и иными должностными лицами колхозов, совхозов и других предприятий и организаций агропромышленного комплекса» [45].

Классовые интересы разных социальных групп деревни выражались и в политической сфере. Обширным фронтом противостояния системе новых идеологических взглядов было отстаивание *духовных традиций*, базировавшихся в большинстве территорий России на православном мировоззрении. Всесоюзная перепись населения 1937 г. показала, что верующими себя считали 57% населения СССР в возрасте старше 16 лет [46]. Ярким свидетельством сохранения религиозных воззрений в сельской среде являлось количество ходатайств верующих об открытии храмов, поступавших в Совет по делам Русской Православной церкви при СМ СССР, советские и партийные органы после Великой Отечественной войны. Количество обращений по РСФСР, направленных в Совет по делам РПЦ за период 1944–1947 гг., составило 19,8 тыс. [47]

Классовая борьба проявлялась в таких массовых формах протеста как жалоба «во власть». Число обращений в различные инстанции ежегодно превышало многотысячный рубеж. За 1947–1950 гг. только в Совет по делам колхозов при правительстве СССР поступило 92795 жалоб и заявлений [48]. Особую активность в письмах во власть проявлял класс сельскохозяйственных интеллектуалов. Наступление на правовой статус, переводивший их на положение колхозников (середина – вторая 1950-х гг.), повлекло массовую письменную атаку на высшие органы власти, партийные органы, газеты, что довольно быстро заставило государство прислушаться к требованиям класса интеллектуалов и восстановить их в правах. Схожей была ситуация с изменением правового статуса рабочей аристократии в 1958 г., когда переведенные из МТС в колхозы трактористы и комбайнеры настойчиво просили вернуть им права и зарплату более высокого статуса рабочего, который они имели, находясь в государственных организациях.

Радикальные формы классового протеста включали устные и письменные призывы к свержению существующего строя, насильственные действия в отношении работников властных структур, руководителей и активистов колхозов. Они были в деревне не таким частым явлением. Формирование радикальных настроений начиналось с возникновения слухов, роль которых в

крестьянском сообществе была чрезвычайно высока. На фоне осознанных, негативных по отношению к власти массовых умонастроений и формировались предпосылки открытых радикальных форм выражения протеста. Обычно их носителями были люди более широкого социального опыта (прошедшие войну, жившие ранее в городе), отличавшиеся способностью к анализу положения в деревне. Так, воевавший и вернувшийся из немецкого плена В.П. Кузнецов в 1946 г. в Кирилловском районе Вологодской области выразил свои настроения в вывешенной на местной пристани листовке, где предлагал «объединиться; вести неустанную агитацию, загнанному и запуганному населению разъяснять ... где корень зла ... сместить с кремлевского престола Сталина и его приспешников, разогнать колхозы, раздать землю, скот и инвентарь в личное пользование крестьян ... полная свобода в выборе места жительства и вида работы» [49].

В редких случаях дело доходило до высшего уровня радикального протеста – вооруженной борьбы. Эта форма противостояния крестьянского сообщества государству, бывшая чрезвычайно распространенной в период коллективизации, в дальнейшем являлась скорее исключением, чем правилом и представлялась, скорее, актами отчаяния. Так, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. «террористические акты против колхозного актива» были зафиксированы в Челябинской, Чкаловской, Калужской, Вологодской и др. областях. Судя по спецсообщениям органов госбезопасности, в ряде районов Вологодской области в 1944–1950 гг. от «терактов» пострадало 8 деревенских активистов (председатели колхозов, счетовод, кладовщик, депутат сельского совета, секретарь парторганизации [50]).

Деклассирование сельской социальной пирамиды осуществлялось через такой масштабный канал раскрестьянивания как *исход* из деревни. С 1940 по 1987 г. среднегодовая численность работников, занятых в сельском хозяйстве РСФСР в целом, сократилась почти на 6 млн человек [51]. Возможность ухода из деревни в 1930–1960-е гг. включала легальные (организованный набор на работу в промышленность или на учебу, плановое сельскохозяйственное переселение) и нелегальные, «самовольные» методы. Именно в несанкционированном бегстве колхозников наиболее ярко проявился социальный протест. В 1946–1958 гг. около четверти селян покинули деревню, минуя все административные препятствия и ограничения [52–53]. Сами мигранты, оценивая причины отъезда, отмечали: «Люди не от радости стремятся уехать из колхоза, всем жалко зорить свое родимое гнездо, но нет никаких перспектив на будущее» [54]. В совхозной деревне «исход» принимал форму увольнения с работы, особенно в поздний советский период: в 1970 г. в совхозы СССР было принято на работу 1602 тыс. человек, уволились 1416 тыс.; в 1987 г. было оформлено на работу 1594 тыс. человек, выбыло – 1539 тыс. [55]

Результаты. Создание колхозов и совхозов, сокращение до минимума хозяйствования на своем подворье, сделало канвой социальных отношений села «обобществленную» производственную жизнь с вытекающими из этого особенностями обеспечения жителей ресурсами. Старая общинность была разрушена, ей на смену пришел тип связи внутри производственного коллектива крупного сельхозпредприятия. Экономические трансформации разрушили представление о социально однородном обществе – «Ладе» – утвердив иерархическую мультиклассовость сельской жизни и плюрализм классовых культур и ментальностей.

Заключение. Классовая борьба и социальный протест были ответной реакцией сельского социума на государственную политику и формирующиеся под ее влиянием институты. Значение социального протеста состояло в том, что он выступал одним из основных регуляторов жизни советского общества, выразителем классовых и межклассовых интересов. Многообразие форм проявления классовой борьбы и социального протеста в деревне породилось многоклассовостью сельского общества, а также его неизжитыми еще до 1960-х гг. крестьянскими корнями. Социальный протест вобрал в себя многие традиционные формы противодействия власти, среди которых во второй половине 1930–1980-е гг. преобладали пассивные, ненасильственные. Особенностью социального протеста являлось то, что в нем разные классы села проявляли себя консолидировано, тогда как классовая борьба велась каждым из классов исключительно в своих интересах. Пик пассивного противодействия власти приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг., что позволяет увидеть прямую связь с усилением внеэкономической эксплуатации деревни и маркировать данный феномен как индикатор исчерпанности данного типа взаимоотношений. На проявления социального протеста и выражения классовых интересов государство достаточно эластично реагировало, что особенно проявилось в ходе аграрных преобразований середины 1950-х – середины 1960-х гг., решении вопросов классовой идентификации протобуржуазии, менеджеров, интеллигентов, рабочей аристократии и сельскохозяйственного пролетариата.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 14-01-00341 «Социальные отношения в российской деревне 1930–1980-х гг. и их интерпретация в уровнях общественного сознания»

Примечания:

1. Безнин М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930-1980-х гг. / Безнин М.А., Димони Т.М. // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 90–102.
2. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. 376 с.

3. Внутрикласовые изменения крестьянства. Минск, 1966. 48 с.
4. Сенявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973. 447 с.
5. Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976. 319 с.
6. Староверов В.И. Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М., 1978. 126 с.
7. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N. Y., 1941. 285 p.
8. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940-1950 // Social stratification. N.Y., 1951. P.465–479.
9. Гергилов Р.Е. Теория и методология социологии Г.Д. Гурвича // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 129–138.
10. Проблемы классовой структуры и стратификации современного общества в зарубежной социологии. М., 1970. 215 с.
11. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. 2002. 592 с.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т.1. СПб., 1999. С. 128.
13. Данилов В.П. Кулачество // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 262–266.
14. Крапивенский С. Социальная философия. Волгоград, 1998. С. 123.
15. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) / Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Кемерово, 2009. С. 94.
16. Рабкина Н.Е. Перспективы изменения степени дифференциации душевых доходов семей колхозников в сравнении с городским населением (промежуточный отчет) / Рабкина Н.Е., Римашевская Н.М. М., 1971. С. 11.
17. Безнин М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930-1980-х гг. ...
18. Амальрик А. Нежеланное путешествие в Сибирь. New York, 1970. С. 164.
19. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) ... С. 177.
20. Там же. С. 93–94.
21. Виноградский В. Крестьянские семейные хроники: репортаж с диктофоном на шею // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 494.
22. Лопатин Л.Н. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют) ... С. 201.
23. Частушки в записях советского времени. М.: Л., 1965. 496 с. (№ 2099).
24. Русская частушка. Л. 1950. С. 283.
25. Там же. С. 249, 345.
26. Классы, социальные слои и группы в СССР. М., 1968. 230 с.
27. Чугунов Т.К. Деревня на Голгофе. Мюнхен, 1967. С. 184.
28. Русская частушка. Л., 1950. С. 346.
29. «Легит орел по над морем...»: Частушки и песни 1930-х гг. о коллективизации на Кубани // Альманах «Россия. XX век». 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (дата обращения 17.06.2014).
30. Подюков И.А.К проблеме описания колхозного фольклора Прикамья / Подюков И.В., Свалова Е.Н. // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 1. С. 15.
31. Частушки Воронежской области. Записи 1949–1953 гг. / сост. С.Г. Лазутин. Воронежское кн. изд., 1953. С. 78.
32. Русская частушка. Л. 1950. С. 347.
33. Там же. С. 256.
34. Сталин И.В. О правом уклоне в ВКП (б). Речь на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1953. Т. 12. С. 35.
35. Scott J. C. The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven, London, 1976. 246 p.
36. Безнин М.А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / Безнин М.А., Димони Т.М. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 96–111.
37. Колхозы в 1938 г. (по годовым отчетам). Данные предварительной (сокращенной) разработки. М., 1939. С. 10.
38. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8040. Оп. 3. Д. 803. Л. 88–126.
39. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М., 2006. 515–523.
40. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-616. Оп. 9. Д. 606. Л. 11.
41. РГАЭ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 1806. Л. 6.
42. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996. 413 с.
43. Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М., 1991. 256 с.
44. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 138. Л. 5.
45. Постановление пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 г. «О дальнейшем повышении роли судов в борьбе за сохранность социалистической собственности, укреплении государственной, договорной и трудовой дисциплины на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса» // [Электронный ресурс] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33558.html (дата обращения 16.06.2014).
46. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги. М., 2007. С. 118–123.
47. Гераськин Ю.В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 15. С. 133.
48. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. док. М., 1993. С. 64.

49. Архив УФСБ по Вологодской области. Дело на В.П. Кузнецова. Т. II. Л. 362.
50. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522. Оп. 9. Д. 143. Л. 95.
51. Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1960. С. 450; Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1988. С. 421.
52. Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 423.
53. История крестьянства СССР. В 5 т. Т. 4. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества 1945 – конец 50-х годов. М., 1988. С. 149, 280.
54. ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 21. Д. 105. Л. 15.
55. Сельское хозяйство СССР... 1988. С. 424.

References:

1. Beznin M.A. Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930-1980-kh gg. / Beznin M.A., Dimoni T.M. // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2011. № 11. S. 90–102.
2. Arutyunyan Yu.V. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR. M., 1971. 376 s.
3. Vnutriklassovye izmeneniya krest'yanstva. Minsk, 1966. 48 s.
4. Senyavskii S.L. Izmeneniya v sotsial'noi strukture sovet'skogo obshchestva. 1938–1970. M., 1973. 447 s.
5. Simush P.I. Sotsial'nyi portret sovet'skogo krest'yanstva. M., 1976. 319 s.
6. Staroverov V.I. Sotsial'naya struktura sel'skogo naseleniya SSSR na etape razvitogo sotsializma. M., 1978. 126 s.
7. Bernham J. The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N. Y., 1941. 285 p.
8. Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940-1950 // Social stratification. N.Y., 1951. P.465–479.
9. Gergilov R.E. Teoriya i metodologiya sotsiologii G.D. Gurvicha // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 4. S. 129–138.
10. Problemy klassovoi struktury i stratifikatsii sovremennogo obshchestva v zarubezhnoi sotsiologii. M., 1970. 215 s.
11. Oksfordskii tolkovyi slovar' po psikhologii / pod red. A. Rebera. 2002. 592 s.
12. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii (XVIII – nachalo KhKh v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. V 2 t. T.1. SPb., 1999. S. 128.
13. Danilov V.P. Kulachestvo // Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. M., 1965. T. 8. S. 262–266.
14. Krapivenskii S. Sotsial'naya filosofiya. Volgograd, 1998. S. 123.
15. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) / Lopatin L.N., Lopatina N.L. Kemerovo, 2009. S. 94.
16. Rabkina N.E. Perspektivy izmeneniya stepeni differentsiatsii dushevykh dokhodov semei kolkhoznikov v sravnenii s gorodskim naseleniem (promezhutochnyi otchet) / Rabkina N.E., Rimashevskaya N.M. M., 1971. S. 11.
17. Beznin M.A. Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930-1980-kh gg....
18. Amal'rik A. Nezhelanoe puteshestvie v Sibir'. New York, 1970. S. 164.
19. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) ... S. 177.
20. Tam zhe. S. 93–94.
21. Vinogradskii V. Krest'yanskii semeinye khroniki: reportazh s diktofonom na shee// Refleksivnoe krest'yanovedenie: desyatiletie issledovaniy sel'skoi Rossii. M., 2002. S. 494.
22. Lopatin L.N. Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) ... S. 201.
23. Chastushki v zapisyakh sovet'skogo vremeni. M.: L., 1965. 496 s. (№ 2099).
24. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 283.
25. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 249, 345.
26. Klassy, sotsial'nye sloi i gruppy v SSSR. M., 1968. 230 s.
27. Chugunov T.K. Derevnya na Golgofe. Myunkhen, 1967. S. 184.
28. Russkaya chastushka. L., 1950. S. 346.
29. «Letit orel po nad morem...»: Chastushki i pesni 1930-kh gg. o kollektivizatsii na Kubani // Al'manakh «Rossiya. XX vek». 2011. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1019488> (data obrashcheniya 17.06.2014).
30. Podyukov I.A.K probleme opisaniya kolkhoznoho fol'klora Prikam'ya / Podyukov I.V., Svalova E.N. // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. Vyp. 1. S. 15.
31. Chastushki Voronezhskoi oblasti. Zapisi 1949–1953 gg. / sost. S.G. Lazutin. Voronezhskoe kn. izd., 1953. S. 78.
32. Russkaya chastushka. L. 1950. S. 347.
33. Tam zhe. S. 256.
34. Stalin I.V. O pravom uklone v VKP (b). Rech' na Plenum TsK i TsKK VKP (b) v aprele 1929 g. // Stalin I.V. Sochineniya. M., 1953. T. 12. S. 35.
35. Scott J. C. The moral economy of the peasant: rebellion and subsistence in southeast Asia. New Haven, London, 1976. 246 p.
36. Beznin M.A. Povinnosti rossiiskikh kolkhoznikov v 1930–1960-e gody / Beznin M.A., Dimoni T.M. // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 2. S. 96–111.
37. Kolkhozy v 1938 g. (po godovym otchetam). Dannye predvaritel'noi (sokrashchennoi) razrabotki. M., 1939. S. 10.
38. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomii (RGAE). F. 8040. Op. 3. D. 803. L. 88–126.
39. Tragediya sovet'skoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. V 5 tt. T. 5. 1937–1939. Kn. 2. 1938–1939. M., 2006. 515–523.
40. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. A-616. Op. 9. D. 606. L. 11.
41. RGAE. F. 650. Op. 1. D. 1806. L. 6.
42. Golosa krest'yan: sel'skaya Rossiya KhKh veka v krest'yanskikh memuarakh. M., 1996. 413 s.

43. Beznin M.A. Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e 1950 –1965 gg. M., 1991. 256 с.
44. RGASPI. F. 17. Op. 123. D. 138. L. 5.
45. Postanovlenie plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 15 noyabrya 1984 g. «O dal'neishem povyshenii roli sudov v bor'be za sokhrannost' sotsialisticheskoi sobstvennosti, ukreplenii gosudarstvennoi, dogovornoj i trudovoi distsipliny na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh agropromyshlennogo kompleksa» // [Elektronnyi resurs] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33558.html (data obrashcheniya 16.06.2014).
46. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g.: obshchie itogi. M., 2007. S. 118–123.
47. Geras'kin Yu.V. Podacha khodataistv ob otkrytii khramov v 1940–1950-e gody kak sposob otstaivaniya konstitutsionnogo prava na svobodu veroispovedaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 15. S. 133.
48. Popov V.P. Rossiiskaya derevnya posle voiny (iyun' 1945 – mart 1953): Sb. dok. M., 1993. S. 64.
49. Arkhiv UFSB po Vologodskoi oblasti. Delo na V.P. Kuznetsova. T. II. L. 362.
50. Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii (VOANPI). F. 2522. Op. 9. D. 143. L. 95.
51. Sel'skoe khozyaistvo SSSR. Stat. sbornik. M., 1960. S. 450; Sel'skoe khozyaistvo SSSR. Stat. sbornik. M., 1988. S. 421.
52. Ivanov N.S. Raskrest'yanivanie derevni (seredina 40-kh – 50-e gody) // Sud'by rossiiskogo krest'yanstva. M., 1995. S. 423.
53. Istoriya krest'yanstva SSSR. V 5 t. T. 4. Krest'yanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva 1945 – konets 50-kh godov. M., 1988. S. 149, 280.
54. VOANPI. F. 2522. Op. 21. D. 105. L. 15.
55. Sel'skoe khozyaistvo SSSR... 1988. S. 424.

УДК 93/94

Межклассовые отношения и классовая борьба в российской деревне 1930–1980-х гг.

¹ Михаил Алексеевич Безнин

² Татьяна Михайловна Димони

¹⁻² Вологодский государственный университет, Российская Федерация

¹ доктор исторических наук, профессор

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru

² доктор исторических наук, профессор

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются отношения между новыми сельскохозяйственными классами, возникшими в период государственно-капиталистического переустройства деревни 1930–1980-х гг.: протобуржуазией, менеджерами, интеллектуалами, рабочей аристократией, сельскохозяйственным пролетариатом. Авторы приходят к выводу о коренном изменении типа социальных взаимоотношений в этот период. Речь идет также об истоках формирования межклассовых отношений: численности и происхождении каждого класса, его экономической устойчивости, политической роли, ментальности, способности к классовой и межклассовой солидарности. Отдельно рассмотрено место и значение социального протеста и классовой борьбы как важнейших составляющих межклассовых отношений. Суть эволюции социального протеста состояла в движении от форм, свойственных крестьянскому обществу, к проявлениям классовой борьбы, характерных для рабочего сообщества.

Ключевые слова: российская деревня; социальные классы; межклассовые отношения; социальный протест; классовая борьба.